

Спасский А. А. [Общедоступные лекции по истории западноевропейского средневековья:] Эпоха великого переселения народов и ее ближайшие результаты // Богословский вестник 1910. Т. 1. № 4. С. 555–574 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Эпоха великаго переселенія народовъ и ея ближайшіе результаты.

Общая характеристика эпохи переселения. Гунны и вопросъ о происхожденіи ихъ. 1. Движенія германскихъ племенъ, вызванныя давленіемъ гунновъ: краткій очеркъ исторіи вестготовъ и вандаловъ. 2. Аттілла, его личность и военныя предпріятія. паденіе западной римской имперіи

Эпоха, открывающаяся нашествіемъ гунновъ, представляетъ собой картину невообразимаго безпорядка, безпримѣрнаго хаоса. Цѣлыя племена и народы, гонимые ужасомъ, поднимаются вмѣстѣ съ дѣтьми и женщинами, забирая свое хозяйство, и переходятъ съ одного мѣста на другое, истребляя все встрѣчающееся на пути. Обширныя и могущественныя царства возникаютъ предъ глазами историка, наводятъ страхъ на сосѣднихъ народовъ и, затѣмъ, исчезаютъ, не оставляя по себѣ никакого осязательнаго слѣда. За эту эпоху этнографическая и политическая карта Европы измѣняется кореннымъ образомъ. Послѣ эпохи переселенія вмѣсто римской имперіи съ ея провинціями мы находимъ уже новыя варварскія государства, изъ которыхъ постепенно образуются современные западные народы. Кто же были эти гунны, давшіе толчекъ къ столь глубокому перевороту въ исторіи европейскіхъ народовъ?

Неожиданно появившись на исторической сценѣ и столь же неожиданно удалившись съ нея, гунны поставили въ великое недоумѣніе послѣдующихъ историковъ относительно своего происхожденія и племеннаго характера. Ученому Дегиню, старавшемуся объяснить появленіе гунновъ въ Европѣ китайскими лѣтописями, удалось найти въ нихъ указаніе на особый народъ, называемый: „Nioung—nou“,—долго грабив-

шей сѣверныя границы Китая и затѣмъ около 93-го года нашей эры удалившейся по направленіи на сѣверо-западъ. Основываясь на созвучіи словъ „hunnī“ и „hioung-nou“, Де-гинь утверждалъ, что гунны и есть тотъ самый народъ, о которомъ говорятъ китайскія лѣтописи. Но дѣло въ томъ, что тѣ же самыя лѣтописи, которыя теряютъ изъ виду упомянутый народъ между 93 и 402 г. по Р. Х., въ 424 т. е чрезъ 22 года находятъ его на старомъ же мѣстѣ и притомъ столь могущественнымъ какъ прежде, а допустить этого невозможно при томъ предположеніи, если бы главныя силы его двинулись на Западъ. Наша русская наука въ лицѣ покойнаго Забѣлина и немногихъ другихъ ученыхъ выдвинула новый и очень любопытный взглядъ по вопросу о происхожденіи гунновъ. Кружокъ этихъ ученыхъ во главѣ съ Забѣлинымъ признаетъ гунновъ за одну изъ славянскихъ народностей, которая призвана была на помощь западными славянами противъ готовъ и другихъ германскихъ племенъ. При помощи различныхъ комбинацій Забѣлинъ доказываетъ, что самое слово „гунны“ есть искаженное названіе славянскаго племени венетовъ или виндовъ, обитавшаго по берегамъ Балтійскаго моря, а уродливый ихъ типъ, описанный современникомъ гунновъ Йорнандомъ, объясняетъ намѣренной ультрировкой готскаго историка въ цѣляхъ оправдать трусость своихъ современниковъ. Ученый споръ, поднятый въ русской литературѣ по этому вопросу, еще нельзя считать поконченнымъ: я укажу два основанія, которыя не позволяютъ пока согласиться съ мнѣніемъ Забѣлина: во-первыхъ, описаніе наружности и образа жизни гунновъ, оставленное намъ людьми близко знавшими ихъ, ясно показываетъ принадлежность ихъ къ монгольской расѣ; во-вторыхъ византійскіе историки Прокопій и Маврикій, сообщающія свѣдѣнія о славянской колонизаціи греческой половины имперіи и писавшіе одновременно съ Йорнандомъ, такъ различаютъ гунновъ отъ славянъ, что по ихъ рассказамъ между тѣми и другими нѣтъ никакого сходства.—Впрочемъ, едва ли есть нужда въ столь остроумныхъ изысканіяхъ для того, чтобы опредѣлить племя и мѣсто первоначальнаго жилища гунновъ. Исторія Востока даетъ намъ частые примѣры того, какъ обширные союзы разнородныхъ племенъ сплачиваются въ одно цѣлое подъ властью завоевательнаго генія и вновь

распадаются, когда исчезла рука, скрѣпившая ихъ. Въ первые вѣка нашей эры сѣверъ Востока былъ занятъ племенами финскими, которыя въ воображеніи скандинавовъ, по мифическимъ пѣснямъ Эдды, являлись безобразными, злыми карликами; около Каспійскаго міра съ глубокой древности кочевали тюркскія и монгольскія племена. Гунны и были ничто иное, какъ союзъ этихъ племенъ, на время тѣсно сплотившійся, а затѣмъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ снова распавшійся. Описанная въ подробностяхъ наружность гунновъ едва-ли можетъ вызывать сомнѣніе въ томъ, что главная масса этой орды состояла именно изъ племенъ финскихъ и монгольскихъ.

Въ движеніи народовъ, вызванномъ появленіемъ гунновъ, нужно различать два момента. 1) Данный гуннами толчокъ заставилъ готовъ двинуться въ предѣлы римской имперіи и привелъ въ броженіе германскія племена, которые и заняли теперь всѣ римскіе провинціи запада. 2) Объединившіеся подъ предводительствомъ Атиллы гунны предпринимаютъ вторженіе въ предѣлы римской имперіи и приводятъ ее къ окончательному паденію.

I. Намъ нѣтъ надобности слѣдить за всѣми чрезвычайно сложными и запутанными подробностями каждаго изъ этихъ моментовъ. Для характеристики перваго изъ нихъ достаточно, если мы рассмотримъ перемѣны, вызванныя натискомъ гунновъ въ жизни только нѣкоторымъ изъ германскихъ племенъ. Я остановлюсь на готахъ и вандалахъ.

Какъ мы знаемъ, готы обитали по сѣверо-западнымъ берегамъ Чернаго моря; по своему географическому положенію они являлись народомъ, который первымъ долженъ былъ испытать на себѣ ударъ гунновъ. Какъ великъ былъ вызванный вторженіемъ неизвѣстныхъ полчищъ гунновъ ужасъ готовъ, объ этомъ можно судить по тому, что еще въ половинѣ VI-го вѣка, то-есть, спустя болѣе цѣлаго столѣтія, слѣды этого чувства живо слышатся въ разсказахъ готскаго историка Юрнанда. По своему отталкивающему, отвратительному виду, по своей свирѣпости и странному образу жизни, гунны столь мало похожи были на извѣстныхъ готамъ варваровъ, что они сочли это страшное племя за порожденіе союза скитавшихъ въ пустыни вѣдьмъ съ нечистыми духами; готы не могли признать за ними человѣческаго про-

исхожденія. Остготы, находившіеся ближе къ территоріи перваго появленія гунновъ, должны были подчиниться ихъ власти; вестготы же, прикрытые Днѣпромъ, воображали остановить движеніе гунновъ, но гуннская конница отыскала вдали бродъ чрезъ рѣку, и вестготы отступили за Прутъ. Съ этого времени начинаются полныя приключенія странствованія этого племени по Европѣ. Страхъ, наведенный гуннами былъ слишкомъ великъ для того, чтобы вестготы долго могли оставаться подъ слабымъ прикрытіемъ Прута. За исключеніемъ небольшой части племени, рѣшившейся искать убѣжища въ неприступныхъ ущеліяхъ Карпатовъ, вся остальная масса вестготовъ направилась къ берегамъ Дуная и требовала отъ римскихъ начальниковъ позволенія перейти на римскій берегъ. Императоръ Валентъ, согласіе котораго необходимо было для пропуска внутри имперіи столь многочисленнаго племени, обусловилъ свое дозволеніе принятіемъ арианства, разоруженіемъ и выдачей многочисленныхъ заложниковъ. Самъ Ульфѣила, знаменитый просвѣтитель готовъ, ѣздилъ въ Антихію, гдѣ въ то время находился императорскій дворъ, чтобы ходатайствовать за готовъ, но пока происходили переговоры, все племя вестготовъ безпомощно толпилось на лѣвомъ берегу Дуная, имѣя съ тыла гунновъ а впереди широкую рѣку и римское войско; поставленные въ безвыходное положеніе, готы приняли всѣ условія, предложенныя императоромъ, и римская флотилія перевезла ихъ въ предѣлы восточной половины имперіи. По счету римскихъ чиновниковъ, число готовъ, способныхъ носить оружіе, перебравшихся въ имперію, достигало до 200,000: не забудемъ, что за этимъ двѣститысячнымъ войскомъ слѣдовали жены, дѣти, рабы и двигалось на повозкахъ все ихъ имущество. Скоро положеніе готовъ на новомъ мѣстѣ жительства оказалось невыносимымъ. Римскіе чиновники медлили назначеніемъ имъ земель и, доставляя хлѣбы, требовали очень высокую плату за него; чтобы добыть хлѣбъ въ нѣсколько фунтовъ или кусокъ мяса, готъ долженъ былъ отдать взрослому человѣку въ рабы римлянамъ. При этомъ не спасались отъ общихъ несчастій жены и дочери готскія, которыхъ римская администрація требовала въ полное свое распоряженіе. Выведенныя изъ терпѣнія готы схватились за оружіе и бросились внутрь имперіи. Римлянамъ тяжело

пришлось расплатиться за безразсудство своихъ чиновниковъ: самъ импер. Валентъ, вышедшій на встрѣчу вестготамъ съ сильнымъ войскомъ, былъ раненъ и потомъ сожженъ готами вмѣстѣ съ хижиной, въ которой онъ думалъ найти спасеніе. Лишь Θεодосію Великому, спустя болѣе чѣмъ 40 лѣтъ, удалось остановить воинственные порывы варваровъ. Готы были приняты на службу римской имперіи и ихъ семейства поселены на южномъ берегу Дуная, прежніе обитатели котораго были предварительно вырѣзаны готами.

Болѣе десяти лѣтъ вестготы прожили на правомъ берегу Дуная, обзавелись земледѣльческими орудіями, настроили себѣ хижины, но сдѣлаться осѣдлымъ, земледѣльческимъ народомъ не успѣли. Когда во главѣ готовъ всталъ Аларихъ, отличавшійся храбростью и знакомствомъ съ римскимъ военнымъ искусствомъ, вестготы вспомнили привычки старой бродячей жизни, покинули свои плохо воздѣланныя нивы и всею массой съ семьями и имуществомъ двинулись въ Македонію и Пелопонезъ подъ предводительствомъ Алариха, принявшаго теперь титулъ вестготскаго короля. Этотъ походъ вестготовъ, какъ и всѣ варварскія движенія того времени, сопровождался опустошеніями по обычному порядку: мужское населеніе обрекалось на смерть, женское обращалось въ рабство, селенія и города сожигались, золото и драгоценныя вещи переходили въ распоряженіе варваровъ. Константинопольскій дворъ, не имѣвшій силы остановить натиска готовъ, назначилъ Алариха главнокомандующимъ въ восточной Иллиріи въ справедливомъ расчетѣ, что, получивши въ законное обладаніе эти земли, варвары прекратятъ опустошенія. Недолго, однако, вестготы оставались спокойными и въ Иллиріи. Поселившись со своимъ племенемъ на распутии между двумя половинами римской имперіи, Аларихъ оказался третьимъ римскимъ императоромъ,—съ той особенностью, что, не будучи по имени императоромъ, онъ былъ имъ въ дѣйствительности и могъ распоряжаться судьбами имперіи,—преимущество, котораго лишены были оба титулованные императора. Въ слѣдующемъ же году, послѣ своего назначенія главнокомандующимъ Иллиріи, Аларихъ двинулся съ вестготами въ Италію и овладѣлъ среднею частью ея до самаго Тибра. Успѣхи византійскаго полководца Стилихона на время задержали воин-

ственные порывы вестготовъ въ Италіи, но въ предпріятыи Аларихомъ въ 408-мъ году новый походъ на Италію онъ осадилъ Римъ, взялъ его, разграбилъ, пустилъ богатѣйшія сенаторскія фамиліи нищими, скитавшимися потомъ по африканскому берегу и св. мѣстамъ Палестины, назначилъ Аттала римскимъ императоромъ и удалился со своимъ войскомъ въ Кампанію. Въ этомъ благодатномъ краѣ Италіи варвары предались всѣмъ наслажденіямъ роскоши: побѣжденные ими жители доставляли въ ихъ станъ хлѣбъ, мясо и вино, а взятые въ плѣнъ сыновья и дочери римскихъ сенаторовъ подавали имъ въ награбленныхъ золотыхъ кубкахъ вино, когда они пировали, лежа подъ платанами, разсаженными съ такимъ искусствомъ, что не пропускали палящихъ лучей солнца. Въ 410 году Аларихъ умеръ, и его преемникомъ сталъ Атаульфъ, сильный и красивый воинъ ¹⁾. При Атаульфѣ вестготы снова поднялись со своего мѣста, двинулись въ Галлію и овладѣли югомъ ея,—отъ Роны и Гаронны до Пиринеевъ. Это было въ 412 году; въ ближайшіе же годы они перешли Пиринейскія горы, прогнали поселившееся здѣсь племя вандаловъ и изъ центра Испаніи и юга Галліи образовали могущественное вестготское королевство, существовавшее болѣе столѣтій. Здѣсь продолжительныя странствованія вестготовъ по Европѣ закончились. За исключеніемъ Британіи, они поочередно овладѣвали всѣми главными провинціями римской имперіи, избородили Европу по всѣмъ направленіямъ и, остановившись въ лучшихъ частяхъ ея, сами потомъ подверглись печальной участи. Въ шестомъ вѣкѣ часть вестготовъ, жившая въ Галліи, покорена была франками и постепенно слилась съ ними, а въ началѣ VI вѣка ихъ испанскія владѣнія подпали власти арабовъ.

¹⁾ Съ именемъ Атаульфа связывается нелишняя интереса романическая исторія. При взятіи Рима Аларихомъ готами была захвачена въ плѣнъ Плацидія, сестра римскаго императора изъ дома Феодосія Великаго. Атаульфъ горячо полюбилъ Плацидію, но гордая красавица отвергла всѣ искательства варварскаго вождя; наконецъ, убѣжденная однимъ римскимъ патриотомъ, она изъ любви къ роднѣ согласилась стать женой красиваго готскаго короля. Этотъ бракъ былъ пышно отпразднованъ въ 414 году, и между прочимъ капелъменстеромъ и запѣвалой на этомъ бракѣ былъ тотъ самый Атталъ, который при Аларихѣ состоялъ римскимъ императоромъ: тебѣ онъ былъ уже въ отставкѣ.

Другой характерный примѣръ бродячей жизни въ эпоху переселенія представляетъ собой исторія вандалскаго племени. Вандамы обитали первоначально на крайнемъ сѣверо-востоку нынѣшней Германіи въ предѣлахъ рѣки Вислы, но при Константинѣ Великомъ и съ его позволенія они поселились въ Панноніи между Дунаемъ и Дравой. Вторженіе гунновъ, раскинувшихся въ своемъ движеніи до Дуная и не перестававшихъ съ оружіемъ въ рукахъ и отдѣльными отрядами появляться среди германскихъ племенъ, заставили и вандаловъ подняться изъ Панноніи и искать болѣе безопаснаго мѣстожителства. Соединившись съ аланами и гепидами, вандалы густой толпой двинулись въ предѣлы западной римской имперіи, увлекая за собою многочисленныя свевскія племена. Ихъ первоначальной цѣлю была Галлія, оставшаяся совершенно безпомощной предъ этимъ вторженіемъ, такъ какъ всѣ римскіе войска были выведены изъ нея для защиты Испаніи. Прорвавшись за Рейнъ, они опустошительнымъ потокомъ разлились по всей Галліи отъ океана и Рейна до самыхъ Пиринеевъ. Раззоривши гальскіе города, вандалы двинулись далѣе въ Испанію и заняли южную часть ея Андалузю. Такимъ образомъ, съ сѣверо-востока средней Европы вандалы пробрались на крайнюю западную оконечность европейскаго материка.—Вскорѣ значительная часть ихъ совсѣмъ оставила Европу. Познакомившись путемъ мореплаванія и разбойническихъ набѣговъ съ богатыми африканскими провинціями имперіи, вандалы пришли къ убѣжденію, что было бы очень недурно поселиться въ этомъ роскошномъ краѣ. Въ 429-мъ году, чрезъ 20 лѣтъ послѣ завоеванія южной Испаніи, они переправились чрезъ Гибралтарскій проливъ и на развалинахъ опустошенной провинціи, бывшей сотни лѣтъ житницей Рима и Италіи, основали вандалское королевство, оставившее по себѣ дурную память въ исторіи. Это было разбойническое царство, жившее набѣгами и грабежомъ и въ особенности выдававшееся своимъ презрѣніемъ къ образованію и искусству. Современные лѣтописцы называютъ это племя самымъ малодушнымъ и въ то же время самымъ жестокимъ изъ всѣхъ германскихъ племенъ. Тѣмъ не менѣе, построивши въ Картагенѣ флотъ, вандалы болѣе вѣка господствовали на Средиземномъ морѣ, наводя своимъ появленіемъ ужасы на сѣ-

верныя берега его. Впрочемъ, подъ знойнымъ небомъ Африки вандалы утратили свою прежнюю энергію; ихъ лица отъ невоадержности и пресыщенія потеряли свою мужественную свѣжесть и сила, которою они раньше славились, растрочена была на оргіи. Каждый день они много времени проводили въ банѣ и каждый день обѣдъ ихъ состоялъ изъ самыхъ изысканныхъ кушаній, какія могли только доставить земля и море. Почти всѣ они носили золотыя украшенія и щегольскую одежду; многіе изъ нихъ жили въ садахъ, украшенныхъ бассейнами, фонтанами, искусственными ручьями и проводили почти все время въ пирахъ и развлеченияхъ. Одинъ изъ современныхъ вандаламъ историковъ называетъ ихъ самымъ изнѣженнымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ ему народовъ. Когда въ 553 году войска византійскаго полководца Велизарія высадились на берега Африки, этотъ изнѣженный народъ не могъ оказать ему достаточнаго сопротивленія. Менѣе, чѣмъ въ одинъ годъ Велизарій покорилъ Византіи все вандалское королевство и чрезъ нѣсколько времени самое имя вандаловъ стало сохраняться только въ отрядѣ византійской конницы, образованномъ изъ африканскихъ плѣнниковъ.

II. Въ своемъ преслѣдованіи готовъ, гунны остановлены были Дунаемъ, который въ теченіи полвѣка и охранялъ римскую имперію отъ напора ихъ полчищъ. Раскинувшіяся на широкомъ и ровномъ пространствѣ, лежащемъ между этою рѣкою и Волгой, гуннскія орды того времени еще не представляли собой чего-либо цѣльнаго, тѣсно сплоченнаго. Они распались на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего особаго князя—вождя и дѣйствовало совершенно самостоятельно. Никто такъ ловко не могъ воспользоваться этимъ разъединеніемъ гуннскихъ силъ, какъ римская политика, сдумѣвшая привлечь къ себѣ на службу даже гунновъ. Но если нѣкоторое время области имперіи были безопасны отъ гунновъ и пользовались для своей защиты ихъ силами, то нашествіе азіатскихъ варваровъ все-таки страшнымъ бѣдствіемъ отозвалось въ нихъ. Оставляя на время въ покоѣ имперію, даже служа подъ ея знаменами гунны широко распространяли на западъ свое оружіе между сосѣдними племенами. Скоро ихъ палатки появились на среднемъ теченіи Дуная, такъ что германскіе и славянскіе

народы, не успѣвшіе бѣжать отъ нихъ, одинъ за другими должны были покориться имъ. Такъ обр., въ нѣдрахъ гунновъ постепенно скоплялась великая военная сила, которая была тѣмъ болѣе страшной для Европы, что она скоро стала повиноваться одной только волѣ. Тотъ, кто сумѣлъ сосредоточить эту силу въ своихъ рукахъ и направить ее сообразно съ своими желаніями, былъ Атила, прозванный „бичемъ Божиимъ“.

Едва-ли кто-нибудь изъ завоевателей древнихъ и новыхъ народовъ, не исключая и Александра Македонскаго, оставилъ по себѣ такую память въ исторіи и преданіяхъ народовъ, какъ Атила. Безчисленное множество легендъ, сказаній и поэмъ группируется около его имени, и въ нихъ Атила является не однимъ и тѣмъ же лицомъ, но съ однимъ и тѣмъ же характеромъ и значеніемъ. Его обликъ измѣняется сообразно тому народу и тому направленію, къ которымъ принадлежатъ сказаніе. Конечно, въ этихъ сказаніяхъ образъ Аттилы совершенно оторванъ отъ исторической почвы, которой онъ принадлежитъ, и самъ Атила становится мифомъ, а не лицомъ историческимъ; правда и то, что соединить въ одно цѣлое эти легендарныя сказанія, составить одинъ характеръ изъ этихъ безчисленныхъ и разнообразныхъ чертъ, совсѣмъ невозможно;—тѣмъ не менѣе эти легендарныя и мифическія сказанія объ Аттилѣ имѣютъ высокое историческое значеніе. Если по нимъ нельзя возсоздать образъ историческаго Аттилы, то они представляютъ намъ множество отдѣльных, чисто историческихъ подробностей, пройденныхъ молчаніемъ современными хроникерами,—а главное,—они передаютъ впечатлѣніе, произведенное Аттилой на то или другое племя, указываютъ на его историческое значеніе для той или другой народности. Вотъ почему одинъ изъ новѣйшихъ биографовъ гуннскаго завоевателя, Амедей Тьерри, издавшій въ 1856-мъ году исторію Аттилы и его преемниковъ, цѣлый второй томъ своего труда посвящаетъ изложенію и разбору этихъ легендъ.

Всѣ преданія и легенды объ Аттилѣ распадаются на три главные отдѣла. Къ первому циклу принадлежатъ сказанія латинскихъ племенъ, большею частію собранныя и изложенныя западнымъ духовенствомъ. Въ этихъ христіанскихъ легендахъ Атила является прежде всего бичемъ Божиимъ,

т. е. орудіемъ Провидѣнія, ниспосланнымъ на римскій міръ въ наказаніе за грѣхи его. При такомъ мистическомъ воззрѣніи, историческій Атила долженъ былъ, разумѣется, отойти на второй планъ, уступить мѣсто легендарному герою. Мистическій интересъ господствуетъ во всѣхъ этихъ сказаніяхъ, и борьба съ азіатскими кочевниками пріобрѣтаетъ характеръ борьбы религиозной, при которомъ естественная связь событій упускается изъ виду во имя высшихъ, назидательныхъ цѣлей сказанія. Ничто такъ хорошо не характеризуетъ этого круга легендъ, какъ рассказъ о Каталаунской битвѣ, сохраненный у Иорнанда. Въ тревожную ночь предъ рѣшительной битвой,—повѣствуетъ Иорнандъ,—солдаты Аттилы захватили въ сосѣднемъ лѣсу пустынника, который слылъ за прорицателя; Атилѣ пришло на мысль спросить его о своей судьбѣ: „Ты бичъ Божій,—отвѣчалъ ему пустынникъ,—и палица, которою провидѣніе поражаетъ міръ; но Богъ по волѣ своей ломаетъ орудіе своей кары и по своимъ предначертаніямъ передаетъ мечъ изъ однихъ рукъ въ другія. Знай же, что ты будешь побѣжденъ и чрезъ то поймешь, что твоя сила не отъ міра сего“.—Мысли, которыя вложены здѣсь въ уста пустынника, и составляютъ собой основную идею и характерный колоритъ всѣхъ христіанскихъ сказаній объ Атилѣ.

Второе мѣсто въ преданіяхъ объ Атилѣ занимаютъ легенды герmano-скандинавскія. На германскомъ сѣверѣ имя Аттилы измѣнилось въ Этцеля и обликъ его получилъ совершенно иную окраску. Атила германскихъ сказаній напоминаетъ скорѣе Карла Великаго, какъ онъ изображается въ рыцарскихъ романахъ, чѣмъ дѣйствительнаго гуннскаго вождя. Кровожадный монголъ здѣсь является мирнымъ владыкой, простодушнымъ и гостепріимнымъ владѣльцемъ и веселымъ собесѣдникомъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ стоитъ на заднемъ планѣ; оружіемъ распоряжаются по преимуществу его вассалы, далеко превосходящіе его въ славѣ военныхъ подвиговъ. Еще своеобразнѣе, еще интереснѣе преданія венгерцевъ, этихъ прямыхъ потомковъ гунновъ. Въ нихъ Атила представляется въ полномъ смыслѣ народнымъ вождемъ, любимымъ героемъ, отцомъ народовъ. Ужасъ враговъ Венгріи, пока венгерцы остаются язычниками, онъ становится въ ихъ сказаніяхъ какимъ-то патріархомъ, когда

они принимаютъ христіанство. Аттила, по позднѣйшимъ венгерскимъ легендамъ, является уже родоначальникомъ св. Стефана. Замѣтимъ, между прочимъ, что имя Аттилы, Забѣлинъ, считающій гунновъ слав. племенемъ, производитъ отъ „тата—тятя“=отець, и ставитъ его, поэтому, въ такое же отношеніе къ славянскому племени, въ какомъ понимаютъ его венгерскія легенды. (Ист. рус. ж., I, 340).

Аттилѣ было отъ 35 до 40 лѣтъ, когда онъ сдѣлался вождемъ гунновъ. Чтобы вѣрно нарисовать его портретъ, необходимо помнитъ, подъ какимъ угломъ зрѣніи смотрѣли на него составители лѣтописей и преданій. Даже относительно наружности только въ венгерскихъ преданіяхъ мы находимъ дѣйствительный типъ гуннскаго завоевателя. Въ латинскихъ и германскихъ преданіяхъ она принимаетъ всевозможныя формы. Въ христіанскихъ легендахъ, гдѣ Аттила иногда является не только палицей Божіей, но и орудіемъ нечистаго духа, даже самимъ діаволомъ, лицо его отмѣчено безобразіемъ. Христіанское преданіе даетъ ему иногда лысую голову съ ушами собаки, а иногда голову осла или борова. Въ другихъ же сказаніяхъ Аттила надѣляется выдающейся красотой. Къ счастью, нѣтъ надобности искать въ легендахъ историческаго портрета Аттилы. Византіецъ Прискъ, сопровождавшій въ 449-мъ году греческое посольство въ стоянку Аттилы и видѣвшій его лично, оставилъ намъ подробное описаніе его наружности. Малорослый, съ широкою грудью и большой головой, съ узкими и ввалившимися глазами, плоскимъ носомъ и рѣдкой бородой, Аттила могъ служить представителемъ монгольской расы. Откинутаая назадъ голова и блуждающій, полный любопытства и безпокойства, взглядъ придавали ему гордый и повелительный видъ. Это былъ человекъ, отмѣченный судьбою,—говоритъ Юрнадъ,—рожденный для ужаса народовъ и всѣхъ странъ. При раздраженіи его лицо искажалось и глаза блестѣли огнемъ, такъ что самые смѣлые не рѣшались испытать порывовъ его гнѣва. Въ обычныя минуты онъ былъ кротокъ съ подчиненными, щедръ къ слугамъ и справедливъ къ подданнымъ, судить которыхъ онъ ежедневно выходилъ на крыльцо своего степнаго дворца. Съ чисто варварскими привычками и пьянствомъ, со страстью къ женщинамъ, изъ которыхъ онъ набиралъ себѣ несмѣтное число женъ, такъ что дѣти его, со-

ставляли почти цѣлое племя, Аттила поражалъ чистотою и опрятностью своей одежды и воздержностью въ столѣ. Онъ ѣлъ и пилъ изъ деревянныхъ сосудовъ, тогда какъ гостямъ его все подавали не иначе, какъ на золотѣ или на серебрѣ. Въ битвахъ онъ рѣдко рисковалъ собою и умѣлъ хитро пользоваться переговорами. Это былъ полный представитель ловкаго, расчетливаго и пронырливаго азіата, умѣвшаго проводить опытныхъ византійскихъ политиковъ. Есть основаніе думать, что въ молодости Аттила провелъ нѣсколько времени на службѣ у римлянъ; здѣсь Аттила хорошо познакомился съ слабыми сторонами римской имперіи, но римская цивилизація не оказала на него того чарующаго вліянія, котораго не избѣгали почти всѣ варвары, знакомившіеся съ нею. Аттила остался варваромъ въ полномъ смыслѣ слова, сохранилъ искреннее презрѣніе къ римской образованности, и если часто приближалъ къ себѣ римскихъ перебѣщиковъ, то лишь для того, что бы ловчѣе и успѣшнѣе бороться съ Римомъ. Его завѣтною мечтою было—на развалинахъ цивилизованнаго Рима основать свою варварскую имперію.

Первыя шесть или семь лѣтъ своего владычества Аттила употребилъ на то, чтобы сплотить варварскія племена сѣверо-востока Европы въ одно громадное цѣлое. Обратясь къ западу, онъ захватилъ разсѣянныя здѣсь племена славянскія и финскія и распространилъ свою власть до самаго Балтійскаго моря. На востокъ онъ подчинилъ своей волѣ племя Акатцировъ,—болѣе извѣстныхъ впоследствии подъ именемъ Хозарь,—и здѣсь, на рубежѣ Европы и Азіи, основалъ могущественное царство для старшаго своего сына, Ёллана. Сомкнувъ въ одно цѣлое всѣ разноплеменные силы сѣверо-восточнаго варварства, Аттила обративъ вниманіе на римскую имперію, съ которой до сихъ поръ онъ получалъ ежегодную дань и подарки. Въ 450 г. его послы одновременно явились предъ обоими римскими императорами и обратились къ намъ съ слѣдующею рѣчью: „Аттила, твой и мой повелитель, приказываетъ тебѣ приготовить дворецъ къ его прибытію“. Гордый отвѣтъ византійскаго императора Маркіана, который на требованіе посла заявилъ, что онъ имѣетъ золото для друзей и желѣзо для враговъ, заставилъ Атиллу обратиться на западъ. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, дававшее поводъ Атиллѣ къ походу на западъ.

ную имперію. За нѣсколько времени предъ тѣмъ сестра западнаго императора Валентиніана, Гоноріа, — которую держали въ одиночествѣ изъ боязни, — выдавъ ее замужъ, создать соперника императору, рѣшилась на романтическую выходку и тайно послала свое кольцо Атилѣ, предлагая ему свою руку и сердце. Атила, чуть не ежедневно набравшій себѣ новыхъ женъ, едва-ли имѣлъ какую либо охоту хлопотать о приобрѣтеніи въ свой гаремъ римской красавицы, которая къ тому же скоро нашла способъ оживить свое одиночество, вступивши въ связь съ однимъ изъ придворныхъ чиновниковъ, — тѣмъ не менѣе гуннскій завоеватель рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, какъ удобнымъ предлогомъ для вторженія и предъявилъ имп. Валентиніану требованіе — выдать ему Гонорію и ея приданое, под которыми онъ разумѣлъ половину имперіи. Конечно, Валентиніанъ отвѣчалъ на него отказомъ, и тогда Атила, собравши всѣ силы своего государства, двинулся на западъ. — Никогда, со времени Ксеркса не было подобнаго ополченія. Сѣверная Азія выслала для усиленія Атилы цѣлыя толпы своихъ кочующихъ сыновъ, къ которымъ присоединились племена сарматскія, славянскія и германскія. Въ ополченіи Атилы современники насчитывали не менѣе 500 тысячъ, а по другимъ извѣстіямъ — не менѣе 700 т. Тутъ были и азіатскій кочевникъ, и славянинъ; а аланъ съ огромнымъ копьемъ и раскрашенный гелонъ съ косою вмѣсто оружія и въ накидкѣ изъ человѣческой кожи вмѣсто плаща. Германія выслала съ сѣвера и запада самые отдаленные изъ своихъ народовъ, съ тяжелою пѣхотою, приводившею въ отчаяніе римлянъ. Въ этихъ полчищахъ, среди пестрыхъ предводителей, собрались будущіе владыки Италіи, смѣнившіе западныхъ цезарей, сошлись враги и друзья имперіи.

Расчитывая дойти до береговъ Рейна въ первыхъ числахъ марта, Атила въ январѣ долженъ былъ подняться со своей стоянкѣ на Дунаѣ. Перебравшись чрезъ Рейнъ при помощи пловучихъ мостовъ, Атила началъ занимать и разрушать одинъ за другимъ города Галліи. Онъ объявилъ здѣсь себя другомъ римлянъ, пришедшимъ съ единственною цѣлію наказать вестготовъ, враговъ Рима, и потому требовалъ, чтобы галлы оказали ему хорошій пріемъ, какъ своему освободителю и союзнику имперіи. „Иначе, — заклю-

чалъ свои слова Аттила,—трава не будетъ расти тамъ, гдѣ пройдетъ конь Аттилы“. Было забавно и вмѣстѣ ужасно видѣть этого самозваннаго римскаго полководца, какъ онъ принималъ городскихъ куріаловъ, сидя на лавкѣ и на ломаномъ латинскомъ языкѣ убѣждая ихъ открыть ему ворота. Нѣкоторые города повиновались, другіе пытались сопротивляться, но тѣ и другіе одинаковы были разграблены и обращены въ пепель. Жители нѣкоторыхъ городовъ покидали свои дома и разбѣгались по лѣсамъ. Римскіе чиновники давно уже оставили галльскіе города и потому въ эти опасныя минуты на первомъ планѣ стоятъ епископы и духовенство, одно только не покинувшее своего мѣста. Населеніе Лютеціи, т. е. теперешняго Парижа было остановлено и спасено св. Геновефою или Женевьевою, по французскому произношенію,—и разсказъ объ этомъ подвигѣ св. дѣвушки составляетъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ эпизодовъ тогдашней исторіи.

Будущая столица Франціи была тогда торговымъ рыбнымъ складомъ и населена большею частію рыбаками. Этотъ городъ находился на одномъ изъ рукавовъ Сены, былъ окруженъ стѣнами, уставленными башнями, и могъ выдержать продолжительную осаду. Но на жителей Лютеціи напала паника,—та самая паника, которая распространилась тогда и по другимъ большимъ городамъ Галліи; все населеніе Лютеціи готово было къ бѣгству и суда спущены на воду; въ это-то время и раздалось энергическое слово Женевьевы. Это была молодая, восторженная монахиня, славившаяся своею аскетическою жизнію. Подобно Жаннѣ д' Аркъ она часто приходила въ экстатическое состояніе, видѣла видѣнія, слышала голоса. Когда въ предѣлахъ Галліи появился Аттила, Женевьева имѣла видѣніе, въ которомъ ей было открыто, что Парижъ будетъ спасенъ, если всѣ принесутъ покаяніе,—и она стала убѣждать своихъ соотечественниковъ молиться и отложить всѣ приготовленія къ переселенію. Мужчины надъ ней смѣялись, а женщины повѣрили ей, рѣшились не выходить изъ города и заперлись въ церкви. Мужское населеніе Парижа противъ воли принуждено было повиноваться Женевьевѣ, и предсказаніе ея сбылось. Аттила не подошелъ къ Парижу, а направился на Орлеанъ. „Если бы,—пишетъ французскій историкъ,—жители Парижа тогда же разсѣя-

лись, многое могло бы воспрепятствовать ихъ возвращенію, и городокъ Лютеція, по всей вѣроятности, сталъ бы тѣмъ же, чѣмъ стало множество другихъ городовъ Галліи, болѣе его значительныхъ,—а именно: пустынею, развалины которой лежали бы и до сихъ поръ подъ водой, и антикварій, можетъ быть, искалъ бы на ея мѣстѣ слѣдовъ вторженія Атиллы.“

Подъ Орлеаномъ Атила встрѣтилъ римскія войска и отвелъ свое ополченіе на широкія равнины, извѣстныя подъ именемъ Кампаніи или теперешней Шампани; здѣсь, на поляхъ Каталаунскихъ, удобныхъ для дѣйствія конницы, онъ рѣшился помѣряться силами съ Римлянами. Когда Атила выступилъ въ походъ, западная римская имперія было совершенно неприготовлена къ его отраженію. Послѣдніе остатки римскихъ легионовъ, выведенные изъ западныхъ провинцій, находились въ Италіи. Для защиты Галліи западный императоръ могъ только рассчитывать на помощь варваровъ, занимавшихъ теперь большую часть ея. Съ горстью небольшого отряда онъ послалъ въ Галлію искуснѣйшаго полководца Аэція въ надеждѣ, что варварскія племена, живущія тамъ, окажутъ ему нужное содѣйствіе. Страхъ предъ гуннскимъ нашествіемъ, дѣйствительно, заставилъ смолкнуть въ Галліи старые раздоры съ имперіей, и Аэцій, собравъ подъ свое знамя всѣ наличныя силы страны, не замедлилъ явиться на Каталаунское поле. „Тогда началась,— говоритъ Юрнадъ, — жестокая, разнообразная, страшная, ожесточенная сѣча; о победной сѣчѣ еще ни разу не повѣствовала древность, и тотъ, кто не былъ свидѣтелемъ этого чудеснаго зрѣлища, не увидитъ его болѣе“. Говорятъ, что на широкомъ пространствѣ Каталаунскаго поля легло около 200,000 воиновъ, при чемъ большинство убитыхъ были гунны. Самъ Атила только съ опасностью жизни успѣлъ спастись и заперся въ лагерь, огороженномъ повозками, который и остановилъ натискъ враговъ.

Каталаунская битва оставила громадныя впечатлѣнія въ умахъ современниковъ; легенда рассказываетъ, что, когда кончилась рѣзня на землѣ, души убитыхъ три дня и три ночи сражались между собой съ неутомимымъ бѣшенствомъ. Ея великое историческое значеніе состоитъ въ томъ, что она спасла римско-христіанскую цивилизацію и образован-

ность отъ истребленія гуннскимъ варварствомъ такъ какъ она ослабила войско Аттилы, лишивши его громаднаго числа воиновъ, и заставила удалиться за Рейнъ.

Но бѣгство и неудача въ битвѣ не составляли позора въ глазахъ азіатскаго варвара. Возвратившись изъ Галліи съ богатой добычей, Аттила вовсе не считалъ себя побѣжденнымъ и новымъ походомъ поспѣшилъ возстановить ужасъ своего имени. Въ 452-мъ году онъ снова потребовалъ отъ Валентиніана руки Гоноріи вмѣстѣ съ приданнымъ и, получивши второй отказъ, снова двинулся въ походъ, направляясь теперь уже въ Италію. Разсказываютъ, что въ Миланѣ Аттила обратилъ вниманіе на картину, изображавшую скифовъ на колѣняхъ предъ сидящимъ на тронѣ римскимъ императоромъ; онъ приказалъ нарисовать самого себя на тронѣ и у ногъ своихъ римскихъ императоровъ, высыпавшихъ золото изъ мѣшковъ. Последнее, конечно, было болѣе сообразно съ дѣйствительностью. Перебравшись чрезъ Юлійскія Альпы, онъ опустошилъ лежащія на пути итальянскіе города и имѣлъ намѣреніе идти на Римъ. Но силы гунновъ были ослаблены, если не битвами, которыхъ теперь не было, то разрушительнымъ вліяніемъ непривычнаго для нихъ итальянскаго климата. Чѣмъ богаче была добыча, награбленная имъ въ верхней Италіи, тѣмъ сильнѣе было желаніе возвратиться въ знакомыя мѣста прежняго кочевья. Слава имѣла весьма мало значенія для нихъ, да къ тому же отъ похода на Римъ сдерживалъ ихъ и тотъ суевѣрный страхъ, который еще возбуждалъ у варваровъ вѣчный городъ всемъ своимъ прошлымъ. Все-таки Аттила сдѣлалъ распоряженіе о соединеніи всѣхъ силъ гуннскаго ополченія, показывая видъ, что хочетъ двинуться къ Риму по большой дорогѣ, ведущей чрезъ Аппенины. При извѣстїи объ этомъ движеніи гунновъ ужасъ овладѣлъ римскимъ дворомъ; мысль о сопротивленіи не приходила никому и въ голову; рѣшено было вымолить миръ у Аттилы на какихъ-угодно условіяхъ, и торжественное посольство, во главѣ котораго стоялъ св. Левъ, еп. римскій, отправилось на встрѣчу Аттилѣ. Это было какъ нельзя болѣе кстати для Аттилы, колебавшаго между отступленіемъ и движеніемъ впередъ и увлекаемаго назадъ общимъ желаніемъ войска и совѣта. Мирный договоръ былъ заключенъ и, обремененный несмѣтной

добычей, Атилла оставилъ Италію, разграбивъ, впрочемъ, по пути еще городъ Аугсбургъ. Въ восторгѣ отъ удаленія гунновъ итальянцы приписали свое неожиданное спасеніе чуду: они говорили, что Атилла увидѣлъ подлѣ папы апостола Петра, угрожающаго ему мечемъ, и что это видѣніе побудило опустошителя Италіи отступить назадъ.

Вскорѣ по возвращеніи въ свою резиденцію великій завоеватель умеръ скоропостижно. Въ 452-мъ году онъ блистательно праздновалъ свою женитьбу на бургундкѣ Ильдико, а на другой день его нашли въ постели уже мертвымъ. Быть можетъ, онъ умеръ вслѣдствіе неумѣреннаго пиршества; а быть можетъ, и бургундка убила его спящаго, чтобы отомстить за свой народъ. Тѣло царя, положенное въ три гроба: золотой, серебряный и желѣзный, съ массою соковыищъ было въ глубокою полночь опущено въ могилу; и плѣнники, вырвышіе и засыпавшіе могилу, были убиты, чтобы никто не зналъ, гдѣ покоится прахъ Атиллы, и не могъ его потревожить.—Въ ту ночь, когда умеръ Атилла, визант. императоръ Маркіанъ видѣлъ во снѣ, что лукъ гуннскаго царя сломался;—вѣроятно, не въ первый разъ видѣлъ Маркіанъ во снѣ Атиллу, потому что днемъ ему слишкомъ много приходилось думать о страшномъ варварѣ.

По смерти Атиллы основанное имъ громадное гуннское царство распалось на разнородныя силы, составлявшія его. Начались войны между многочисленными сыновьями Атиллы и различными племенами, послушно слѣдовавшими за его знаменами, и государство Атиллы разрушилось также быстро, какъ оно и возникло. На мѣстѣ, служившемъ постояннымъ жилищемъ гунновъ, поселились бывшіе ихъ подданные гепиды, вступившіе теперь въ дружественный союзъ съ восточной имперіей.

„По ночному небу,—говоритъ историкъ Веберъ, — проносятся иногда метеоры, затмѣвающіи блескомъ своимъ звѣзды и быстро угасаетъ, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ; съ изумленіемъ смотрять на него люди и долго говорятъ о немъ: такъ и могущество Атиллы мгновенно обратилось въ ничто и не осталось слѣда отъ него, но въ преданіяхъ и пѣсняхъ долго звучало имя его и слава его сохранилась въ римскихъ лѣтописяхъ и въ нѣмецкомъ эпосѣ.

Вторженіе гунновъ въ Италію и Галлію какъ бы положило конецъ западной римской имеріи. Побѣда Аэція на поляхъ Каталаунскихъ, достигнутая при помощи варварскихъ же силъ, и отступленіе Аттилы изъ верхней Италіи, вызванное климатическими условіями этой страны,—были мнимымъ мимолетнымъ торжествомъ Рима. По-удаленіи гунновъ Италія осталась все-также въ полномъ распоряженіи варваровъ, взадъ и впередъ ходившихъ по ея равнинамъ и опустошавшихъ знатнѣйшія города. Въ самомъ Римѣ послѣ грабежей Алариха и ужаса предъ нашествіемъ гунновъ дворцы аристократовъ стояли пусты; подъ вліяніемъ варварскихъ опустошеній даже природа страны измѣнилась къ худшему. Запущенныя земли покрывались болотами и стоячими водами, потому что каналы давно были засорены и никогда не исправлялись; ядовитые міазмы подымались надъ этими болотами, производя заразительныя болѣзни и убійственныя лихорадки, отъ которыхъ до сихъ поръ не могутъ еще избавиться нѣкоторыя области Аппенинскаго полуострова. Огромное число жителей навсегда оставило Италію во время нашествій Алариха и Аттилы, но уцѣлѣвшее въ ней населеніе не увеличилось естественнымъ приростомъ, а постоянно уменьшалось. Давно уже Италія не давала помощи римскимъ войскамъ, набравшимся исключительно изъ варваровъ.

Дальнѣйшая исторія западной имперіи не представляетъ уже почти никакого интереса. Единственный призракъ римской имперіи, какой еще сохранялся доселѣ отъ ея бывшаго могущества—это былъ рядъ послѣдовательно смѣнявшихся другъ друга лицъ съ титуломъ римскаго императора. Но и этотъ призракъ скоро исчезъ. Послѣ смерти Валентиніана,— послѣдняго представителя рода Феодосія Великаго,—римскіе императоры стали пустыми и жалкими игрушками въ рукахъ вождей варварскихъ войскъ, распоряжавшихся ими по своему произволу. Я сдѣлаю короткій перечень послѣднихъ императоровъ, и этого перечня будетъ вполне достаточно, чтобы видѣть ту ничтожную роль, какая имъ выпала въ послѣднихъ судьбахъ имперіи.

Избранный сенатомъ и народомъ послѣ смерти Валентиніана Петроній Максимъ императорствовалъ около двухъ мѣсяцевъ: онъ былъ убитъ народомъ во время нашествія ван-

даловъ на Римъ и тѣло его брошено въ Тибръ. Праздный престолъ римскаго императора занялъ теперь галльскій вельможа Авитъ, рекомендованный остготскимъ королемъ, но въ слѣдующемъ же году онъ былъ низвергнутъ главнокомандующимъ варварскихъ войскъ Рицимеромъ, который и сдѣлался теперь дѣйствительнымъ распорядителемъ Рима. Онъ назначилъ императоромъ нѣкоего Майоріана, отличавшагося храбростью, а чрезъ пять лѣтъ убилъ его и отдалъ престолъ Ливію Северу, продержавшемуся на немъ около двухъ лѣтъ. По смерти Севера Рицимеръ долго не назначалъ новаго императора, и Италія на опытъ убѣдилась, что отсутствие этого титулованнаго лица не вноситъ ни малѣйшихъ перемѣнъ въ жизни страны. Византійскій дворъ счелъ, однако, нужнымъ прислать сюда патриція Анеимія, чрезъ пять лѣтъ погибшаго отъ руки того же Рицимера. За ними слѣдовали еще три императора—Гликерій, Юлій Непоть и Ромуль—Августулъ, смѣнившіе другъ друга въ теченіи пять лѣтъ. Послѣдній изъ нихъ только тѣмъ и обращаетъ на себя вниманіе въ исторіи, что онъ закончилъ собою рядъ ничтожныхъ лицъ, носившихъ великое имя римскихъ императоровъ. Ромуль—Августулъ охотно отказался отъ императорскаго сана и сталъ жить частнымъ человѣкомъ въ прекрасной виллѣ на очаровательномъ берегу Байскаго залива, получая отъ Одоакра ежегодную пенсію въ 6,000 червонцевъ.

Съ удаленіемъ въ помѣстье послѣдняго императора ничто не измѣнилось въ Италіи. Италія давно была во власти варварскихъ войскъ, и теперь она осталась подъ управленіемъ ихъ же. Современники даже не замѣтили, что вмѣстѣ съ Августуломъ—Ромуломъ уничтожается послѣдній признакъ бывшей имперіи. Дружина Одоакра избрала было императоромъ его самого, но онъ отказался отъ пустаго титула и назвалъ себя „rex gentium“ т. е. королемъ всѣхъ итальянскихъ народовъ.

Такъ обр. паденіе западной имперіи не было чѣмъ-либо быстрымъ, эффектнымъ, неожиданнымъ; процессъ разложеніе ея шелъ постепенно и весьма послѣдовательно. Всѣ племена германцевъ участвовали въ дѣлѣ великаго разрушенія, но участвовали безъ плана и согласія, какъ бы служа

слѣпными орудіями судьбы. Конецъ имперіи какъ разъ пришелся ко времени, задолго еще предсказанному языческими гадателями. 12 коршуновъ явилось Ромулу при основаніи Рима, 12-ть столѣтій и протекло со времени основанія вѣчнаго города до того момента, когда послѣдній его представитель, тоже по имени Ромуль, долженъ былъ передать свою власть варвару.

А. Спасскій.

(Продолженіе будетъ).
